

Рубенс. „Венера и Адонис“. Императорский Эрмитаж.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

FIAT

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТ.
Петроградъ, Митавъ, Варшава, Копенгага, Стокгольмъ, Гельсингфорсъ, Рига, Вильна, Минскъ, Могилевъ, Киевъ, Харьковъ, Одесса, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Пенза, Астрахань, Ташкентъ, Самаркандъ, Бухара, Фергана, Тифлисъ, Баку, Эривань, Батумъ, Владикавказъ, Кисловодскъ, Пятигорскъ, Минеральные Воды, Ессентуки, Железноводскъ, Кавказские Минеральные Воды, Крымск, Севастополь, Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта, Алушта, Гурзуфъ, Алупка, Массандра, Ливадия, Воронцовка, Митавъ, Варшава, Копенгага, Стокгольмъ, Гельсингфорсъ, Рига, Вильна, Минскъ, Могилевъ, Киевъ, Харьковъ, Одесса, Симбирскъ, Самара, Саратовъ, Пенза, Астрахань, Ташкентъ, Самаркандъ, Бухара, Фергана, Тифлисъ, Баку, Эривань, Батумъ, Владикавказъ, Кисловодскъ, Пятигорскъ, Минеральные Воды, Ессентуки, Железноводскъ, Крымск, Севастополь, Симферополь, Керчь, Феодосия, Ялта, Алушта, Гурзуфъ, Алупка, Массандра, Ливадия, Воронцовка.

ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТ.
Ленинград, Москва, Варшава, Харьков, Киев, Одесса, Николаевъ, Вильна, Ростовъ на Д.
Екатеринбургъ, Самаръ, Баку, Астрахань, Симбирскъ, Новороссійскъ, Эрлангъ.

№ 40—41.

1 СЕНТЯБРЯ 1915 г.

Б Ъ Г А
НА СЕМЕНОВСКОМЪ ПЛАЦУ.
ОСЕННИЙ СЕЗОНЪ 1915 ГОДА.

СЕНТЯБРЬ 1 (доб.), 3 („Вступительный“), 6 („Вступительный“ и „въ память Р. Е. Гривеальда“), 10, 13 (пр. „въ честь Е. И. В. Великого Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА“), 15, (доб.), 17, 20 (пр. „въ честь К. А. ВАХТЕРА и „ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ“), 22 (доб.), 24, 26 („ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ“), 27 (пр. „въ честь Е. И. В. Вели. Кн. КСЕНИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ“ и „въ память 200-лѣтняго юбилея г. Петрограда) и 29 (доб.).

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

№ 40-41.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

1 СЕНТЯБРЯ 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

УДОВИЩЕ.

(Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи).

Домъ въ
Удовищѣ.
Рис. кран-
днемъ.

На озерѣ.

Катанье на
„ройлахъ“.

Усадьба „Удовище“ является одной изъ наиболее живописныхъ усадебъ въ области Боровичскаго уѣзда.

Старинный усадебный домъ считается за собою уже болѣе ста лѣтъ.

Обширная терраса обращена къ саду съ его столѣтними березовыми аллеями; усадьба садится въ живописнѣйшемъ красивомъ озерѣ. Главномъ аллея сада идетъ отъ цѣпника перекрѣдомъ къ блокатному, самому

живописному изъ нихъ. Здѣсь стоитъ бесѣда—пристань съ лодками и новгородскими „ройлами“—такъ называютъ въ Новгородской губерніи два выдолбленныхъ и соединенныхъ вѣтвей бревна.

Очень красивъ видъ съ балкона черезъ просѣку въ живой изгороди, окружающей усадьбу, на дальня озеро, и въ хорошую погоду, отсюда видна по линіи дѣла близъ колокольни старинной приходской церкви, находящейся въ разстояніи 10 верстъ отъ усадьбы.

Въ замѣ сохранилось нѣсколько старинныхъ портретовъ, въ томъ числѣ хорошаго портрета Императора Павла, который и было показано это издѣліе.

Бесѣда—пристань на
озерѣ.

Дет. 3. Топог. 1. Вид с юго-запада (С. Петербург).

КАЧАНОВКА.

(Бывшее имение Тарновских, ныне Олив).

Качановка для меня, пишущаго эти строки, вся въ прошломъ, настоящаго ея не знаю, а потому и говорить буду лишь объ этомъ прошломъ. Приходится начинать издалека.

Въ 1753 г. Качановщина, рѣчка Смошъ—майора Михайла Каченовскаго. Въ Румянцевской описи Малороссіи

находится слѣдующія свѣдѣнія. «Въ семи верстахъ отъ Парафѣевки, при р. Смошѣ, находился водяной «млинь» (существовать на томъ же мѣстѣ и теперь), принадлежавшій одному изъ приказчиковъ Владиславичей Родіонову и Иваничу казакъ Процаю, которые затѣмъ его продали жишему въ м. Иваничѣ вѣкискому греку Федору Болгарину. Послѣдній сталъ тутъ скупать поля и лѣса и основалъ хуторъ, который въ 1742 г. продалъ двора Его Императорскаго Величества плѣчечу Федору Ивановичу Каченовскому* за 890 руб.

Недалеко отъ мельницы Болгарина, на той же рѣчкѣ Смошѣ, находился другой хуторъ, принадлежавшій также вѣкискому греку Ёомѣ Мачемачу; послѣ его смерти хуторъ перешелъ къ его пяти дочерямъ, которыя въ 1744 г. этотъ хуторъ продали тоже Федору Ивановичу Каченовскому, дворнику и шляхтичу* за 1.690 руб. Этотъ Каченовскій былъ устройтеlemъ хутора, получившаго поэтому названіе «Качановки». Когда же Каченовскій былъ пожалованъ болѣе богатыми «мѣстностями», то Качановку онъ продалъ въ 1749 г. брату своему секундъ-майору Михайлѣ Каченовскому, обязавъ его при этомъ десятиую часть помѣла съ водяныхъ мельницъ отдавать на Парафѣевскую церковь: св. Николаю, а другую—на «Шпиталь нищихъ»¹⁾.

Въ 1770 г., по порученію Императрицы Екатерины II, Парафѣевка и Качановка были куплены для Румянцева и въ декабрь того же года ему подарены Императрицей.

При Румянцевѣ Задунайскомъ въ Качановкѣ была построена большая каменная домъ и заведенъ садъ, положившій начало тому великолѣпному парку, которымъ такъ славилась Качановка позднѣе. Долго ли жилъ въ Качановкѣ самъ Румянцевъ, а затѣмъ его сынъ Сергѣй Петровичъ—не осталось воспоминаній. Изъ описи дѣлности, хранящейся въ музеѣ въ Черниговѣ, трудно узнать ту обстановку, которая досталась послѣ Тарновскимъ. Извѣстно точно лишь кое-какіе предметы: огромная залная серебряная люстра, трюмо и кое-какая бронза; да изъ экипажей—огромный экипажъ на висячихъ рессорахъ, съ откидной бархатной подушкой; этимъ придворнаго типа экипажемъ пользовались и позднѣе въ торжественныхъ случаяхъ.

19 мая 1808 г. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ продалъ Качановку и все принадлежавшее его отцу имущество въ Черниговской губерніи Григорію Яковлевичу Почекъ и женѣ его Парасковѣ Андреевнѣ въ пераомъ

Гр. Ст. Тарновскій на прогулкѣ.

Апрѣль 60 годовъ. Собств. М. В. Тарновскаго. В. В. Тарновскій съ женой, Г. С. Тарновскій, отецъ В. В. Тарновскаго, вѣдѣтъ Ф. Ф. Морозъ и вѣдѣтъ Н. В. Тарновскаго.

¹⁾ Описаніе Малороссіи А. Лавровскаго, т. III, стр. 274.

къ за Степаномъ Яковлевичемъ Тарновскимъ. Въ смерти Г. Я. Почеки (1816 г.) Качановка на-
дѣлается въ пожизненное владѣніе его вдовы, а
послѣ смерти ея въ 1824 г., по завѣщанію ея и мужа,
въ виду ихъ бездѣтности, достается сыну отъ перваго
брака П. А. Почеки, камеръ-юнкеру Григорію Сте-
пановичу Тарновскому¹⁾. Во время владѣнія Кача-
новкой П. А. Почекой начата постройка каменной
церкви, достроенная ея сыномъ въ 1828 г. Въ этой церкви
1838 г. пѣлъ пѣвческій хоръ подъ управленіемъ
Глинки и съ участіемъ извѣстнаго въ то время фа-
ритона Гулака. Самолюбивый хозяинъ радовался, что
придворные пѣвчіе поютъ въ его церкви²⁾. Въ склѣтѣ
подъ церковью погребены Гр. Ст. Тарновскій, его жена,
и высится великолѣпная бѣлая мраморная гробница,
работы извѣстнаго Монигети, въ которой похоронены
прахъ ихъ племянника Вас. Вас. Тарновскаго.

Послѣ смер-
жены въ 1853 г.
день бездѣт-
перешла къ его

ти Гр. Ст. и его
(умерла въ одинъ
нани), Качановка
двоюродному пле-

огромный, прелестью раскинувшийся садъ съ прудами
и вѣковыми деревьями былъ какъ-то недоузданъ,
а домъ казался недостроеннымъ. На всемъ лежала
печаль большой расчлѣнности и даже скудости хо-
зяйства. И только позднѣе, мало-по-малу, все приво-
дится въ порядокъ, домъ достраивается, комнаты
украшаются, стѣны ихъ покрываются цѣнными кар-
тинами, вывезенными Г. С. Тарновскимъ изъ-за гра-
ницы и Петербурга.

Во владѣніи дѣла моего, человѣка очень скром-
наго, ученаго и занятаго общественной работой, Кача-
новка остается неизмѣненной и, лишь понавъ къ
его старшему сыну, Вас. Вас. Тарновскому, достигнута
апогея своего величія и красоты.

Передъ дворцомъ большая круглая площадка съ
газономъ. У колонны дома старинная казачья пушка.
Справа и слѣва дворца подъ примыимъ угломъ при-
мыкаютъ къ нему флигеля. Замыкаютъ кругъ съ
обѣихъ сторонъ службы того же стиля, какъ дво-
рецъ. Въ нижнемъ этажѣ центральной части зданія
занимаетъ огромная зала, какъ ее называли „лѣтняя“.

Дворецъ со двора. На балконѣ семья Тарновской; на кругу — казачья пушка, висящая въ престоищахъ ей въ Качановѣ востановка.

мяннику Вас. Вас. Тарновскому, извѣстному обще-
ственному дѣятелю и позднѣе члену Редакціонной
Комиссіи, а затѣмъ къ его старшему сыну, послѣд-
нему ея владѣльцу.

Нѣсколько верстъ великолѣпнаго проспекта съ
тремя рядами стриженыхъ атакими деревьевъ,
прежде чѣмъ попасть въ усадьбу. У церкви дорога
поворачивается подъ прямымъ угломъ и передъ гла-
зами въ глубинѣ пѣковой ливной аллеи, съ доро-
гами для пѣшеходовъ по обѣ стороны, вырастаетъ
главный корпусъ фасада огромнаго дворца Екате-
рининской эпохи, съ колоннадой и плоскимъ куполомъ
со шпильомъ. По словамъ М. И. Глинки, въ годъ его
воссѣденія Качановки въ 1838 г. (Записки, стр. 132)

Поль цементный, и вся она декорирована тропиче-
скимъ растеніями и завита площадью. Въ углахъ
огромные полукруглые диваны стариннаго краснаго
дерева съ рѣзбой. Здѣсь лѣтомъ прохладно, уютно
и пріятно было укрыться отъ дневнаго зноя. Отъ
залы направо и нѣсколько тянулись жилыя комнаты
анфилады, съ выходомъ въ длинные коридоры.
Въ этихъ комнатахъ жили племянники и племянники
Г. С. Тарновскаго, и названія этихъ комнатъ по име-
намъ жившихъ въ нихъ лицъ сохранились за ними.

Комнатъ было много, болѣе 80, различныхъ раз-
мѣровъ; всѣ выходили прямо въ садъ, и изъ околѣ
вышло озеро и противоположный его гористый бе-
регъ. Величественное зданіе по обѣ стороны садо-
наго фасада заканчивается колоннадами, въ проме-
жуткахъ между колоннами стоятъ статуи, а надъ
колоннадами — террасы верхняго этажа. Отъ глав-
наго входа въ верхній этажъ ведетъ широкая, необы-
чайно пологая лѣстница, устланная дорогимъ крас-

¹⁾ Архивъ Тарновскаго.

²⁾ Записки М. И. Глинки, стр. 134.

Зимній садъ (внутрі).

чудной бронзы и превосходных картин, свидетельствующих о том же Григ. Степан,—от которого они перешли к наследникам и которых лишь часть осталась в Чкаловск,—как о большом знаток и любитель искусства. В своих поездках в

Европу, а также въ Петербургъ, собралъ картины такихъ художниковъ, какъ Теньеръ, Деннеръ, Ванъ-Дикъ и др., а изъ русскихъ Воробьева, Штернберга, Брюллова, Иванова, Михайлова, Кипренского, Айвазовского и др. Было также много выдающихся копій, писанныхъ очень хорошими художниками и представлявшими большой художественный интересъ.

Изъ гостинной былъ ходъ въ музей Вас. Вас. Тарновскаго. Описывать его не буду, но могу лишь сказать, что

Дворецъ со стороны сада.

Анна Дмитріевна Тарновская.
Пастель.
(Blanc et noir)
1835 г.
Собств. М. В. Тарновскаго.

Помѣщца.
К. Е. Макольскаго.
Портретъ матери владѣльца Л. В. Тарновской и ея стараго крѣпостного слуги Ивана Тихоновича.
Фак. М. В. Тарновскаго.

это единственное собраніе малороссійской старины и среди предметовъ, его наполнявшихъ, есть вещи прямо таки замѣчательныя ¹⁾.

Помѣщеніе музея изображаетъ теремъ. Затѣмъ еще комнаты и еще... не счастъ.

* * *

Жизнь въ Качановкѣ была, въ соответствии съ домомъ, широкая, барская.

Еще во времена Григ. Степ. его дѣтняя резиденція посѣщалась многими, и сюда съѣзжалось много интересныхъ людей. Будучи бездѣтными супругами, они ютили около себя цѣлую коллекцію племянниковъ и племянницъ, какъ со стороны Григ. Степ., такъ и со стороны его жены, Анны Дмитріевны, особы приземистой и весьма толстой. Богъ не надѣлялъ ее даромъ слова и она всегда молчала. Очень любила, чтобы дѣтки растирали ей ноги ²⁾.

Григ. Степ. былъ очень сухъ и смуглъ, любилъ прекрасный полъ и всю жизнь былъ имъ окруженъ. Несмотря на расчетливости, хозяинъ принималъ го-

¹⁾ Музей владѣльца Вас. Вас. Черняговскому Земству.

²⁾ Записки Ганики, стр. 134.

Вѣдь на дворецъ со стороны парка.

стей очень радушно, развлекая их прогулками, катаньем, иллюминациями и танцами, въ которыхъ самъ принималъ участіе, въ особенности въ грессъ-фатеръ, котораго фигуры онъ надѣлывалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ ¹⁾).

Особеннаго блеска достигаетъ жизнь въ Качановскѣ въ началѣ 70-хъ годовъ, въ моментъ женитьбы моего дяди, Василія Васильевича. Воспоминанія далекаго дѣтства стоятъ передъ моими глазами. Помню ясно, какъ сегодня, отъѣздъ красавицы-невѣсты въ церковь, въ старинномъ восьми-рессорномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой бѣлыхъ коней попарно цугомъ, съ ѣздовыми, одѣтыми въ бѣлые съ голубымъ и шитые золотомъ кунтуши, помню иллюминацію и зажженные смоляныя бочки по проспекту, ведущему въ церковь, и массу огней по деревьямъ, пальбу пушекъ во время обѣда и ужасный испугъ насъ, дѣтей. Свадьба праздновалась по-царски.

¹⁾ Записки Ганики, стр. 134.

Обѣды, балы, охоты смѣняли другъ друга и сотня-другая гостей неселась на слани цѣлый мѣсяцъ.

Замного лѣтъ своего существованія Качановку посѣтило не мало крупныхъ людей, и въ книгѣ записей посѣтелей записано не одно громкое имя. Гостепріимство хозяевъ, ихъ радушный пріемъ былъ извѣстенъ многимъ, и кому хотѣлось попасть въ Качановку, стоило заикнуться о своемъ желаніи, и приглашеніе было обещано. Дѣтство поэтому съѣзжалось

Будуаръ (въ 70 годахъ).
Каминъ фарфора
Миндальскаго. Часы—
малахтъ съ
бронзой
Louis XVI.

Григорій Степановичъ Тарновскій (1835г.).
Пастель (blanc
et noir).
Слѣ. автора М. В.
Тарновскаго.

„Старикъ“.
В. Denner.
1685—1749.
Фот. М. В.
Тарновскаго.
Слѣств. В. В.
Тарновскаго.

Кабинетъ-музей Вас. Вас. Тарновскаго.
Хозяинъ съ слѣств. Мазеи въ рукахъ.

го родных и друзей. Приехали всей семьей и все лето. Много лет подруга гостила семья художника К. Е. Маковского. Вокруг обаятельной жены его, Юлии Павловны, страдала молодежь, теряя свои сердца и душевный покой.

Конст. Ег. оставал на память о своем пребывании в Качановке не мало картин. Между ними особенно выделяется жанр „Поминки“, портрет матери Вас. Вас. и его старого, бывшего крестного слуги, Ивана Тихоновича.

Всё гости, — а их иногда набиралось человек 50, — сходились вместе лишь к завтраку и обеду. После второго звона колокола из отдаленных комнат дома выползали небезинтересные типы далекого прошлого, сгорбленные старушки и старички. Всё они что-то раньше делали и играли какую-то роль в прошлом, а теперь доживали свой век и появлялись лишь к господскому столу, после обеда цызовали старую барыню в ручку, а молодую в плечо, а затем совершенно безумно, как призраки, исчезали по своим углам. На всех этих людях, да и на самом хозяине, лежал особый отпечаток чего-то необыденного, присущего именно этому месту и чего нельзя было встретить в другом. Печать эта лежала даже на одежде, которую носил сам хозяин, и одевал свою многочисленную прислугу. Сам он носил полу-народный костюм с шитой малороссийской рубахой и высокие сапоги, а прислуга — синие, с золотыми галунами и кистями кунтуши. Все это вместе взятое создавало удивительно художественную, красочную картину и переносило в далекое прошлое...

Балконная дверь открыта. Садъ залит лучами солнца. Невольно останавливаешься перед морем зелени и шато. Воздух насыщен их ароматом, и как радостно, светло кругом и как хорошо, величественно огромный, старый парк над озером! Как хороши иконы аллеи и уютно утопающая в зелени беседка! На каждом шагу чувствуется талант строителя этого парка и его бесконечная любовь к нему. Вас. Вас. был действительно мастером садовой разбивки и настоящим художником, который мог быть смело поставлен рядом с таким гением, как

Le-Notre. На пространстве 800 дес. имь быть создан сказочный парк, где каждый поворот дороги открывал восхищенному посетителю все новые и новые картины.

Цанье всего в этом парк было полное отсутствие всякой деланности и шаблона. Природа не потеряла своего могущественного „я“, а все, что она давала грандиозного, было использовано с огромными талантом. В парк, среди яблонь кленов и лип, на трех террасах горы расположены величественные развалины какой-то постройки. Любопытны, и осень золотит и покрывает пурпуром листья его. В полуразрушенных коридорах выросли столетние дубы. О развалинах, о их прошлом не сохранилось ни в семье, ни в истории никаких воспоминаний. Кто жил в них? когда? — вопросы, остающиеся, к сожалению, без ответа.

Темные сводчатые коридоры, подземелья, огромные комнаты, желтые рѣшетки у окон и подвалы с желтыми колами в стенах и сводах дают большую пищу воображению. И по правде сказать, было как-то жутко в их софствѣ. Талант К. Е. Маковского увековечил их в картине „Вакханалия“ (соб. Ю. П. Маковский). Высоко над озером, на фоне зелени стройных тополей, отражаясь в зеркальных водах озера, стоит желтая готическая беседка. Много воспоминаний связано с ней.

Здѣсь въ 1838 г. работал великий М. И. Глинка. Жил М. И. собственно въ оранжереѣ, примыкающей къ дому как, вѣрнѣе, въ комнатахъ при зимнем саду, предшедшемъ въ вѣтхость и возстановленномъ позднѣе Вас. Вас. Тарновскимъ. М. И. былъ очень хорошъ съ первымъ владѣльцемъ Качановки Григ. Степ. Тарновскимъ и гостить часто у него. Особенно знаменательно его пребываніе лѣтомъ 1838 г. Здѣсь были написаны и получены свое оркестровое крещеніе, въ исполненіи оркестра Тарновскаго, лѣтско-ко отрывокъ „Руслана и Людмилы“.

Въ своихъ запискахъ Глинка (стр. 136) говоритъ: „Приготовленные для „Руслана“ Персидскій хоръ — „Ложитесь въ полѣ мракъ ночной“ и маршъ Черномора, написалъ и слышалъ въ первый разъ въ Качановкѣ; они были хорошо исполнены. Въ маршъ Черномора колокольчики замѣняли ми рюмками, на

Зеркало времени. Румицева, полсандрарого дерева, ялика близкий кѣль. Рамы и полукруги — живопись золотомъ на стеклѣ; фонъ голубой. Собств. автора М. В. Тарновскаго.

Синій диванъ, краснаго дерева, украшеніе золоченой и серебряной рѣзкой, шитое бирюзой въ Качановкѣ крѣпостнымъ Гр. Ст. Тарновскаго.

торахъ чрезвычайно ловко игралъ Дмитрій Павло-
чъ Палагинъ¹⁾... „Мнѣ очень памятно время, когда
писалъ балладу Финна: было тепло, собрались
къ я, Штернбергъ и мой пансіонскій товарищъ,
Н. А. Маркевичъ. Покамѣсть я вписывалъ пригото-
вленные уже стихи, Маркевичъ грызъ перо (не легко
было ему въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться
подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ весело рабо-

П. Скоропадскій, Забѣла и художникъ Штернбергъ,
появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ (лакей Глинки)
съ контрабасомъ и виолончелью (ст. 137). Майская
украинская ночь, и безъ того прекрасная, оглаша-
лась звуками музыки, пѣніемъ малороссійскихъ и
и русскихъ пѣсень до зари. Въ Императорской Пуб-
личной библиотекѣ и музеѣ Александра III въ Петро-
градѣ есть произведенія Вас. Ив. Штернберга, изо-

Столовая. Въ нишѣ при Гр. Ст. Тарновскомъ въ 1838 г. въ присутствіи М. И. Глинки, исполнялись впервые отрывки изъ „Русалы
и „Людмила“.

талъ своей кистью. Когда баллада была кончена, я
ее пѣлъ съ оркестромъ“.

Въ Качаиовкѣ-же была написана музыка къ сло-
вамъ малороссійскаго поэта Виктора Забѣлы „Гуде
витерь“ и „Не щечби, соловейко“.

Когда гости и хозяйка расходились спать, тогда
въ оранжереѣ²⁾ у Глинки собирались: Маркевичъ,

блуждающіе эпизоды изъ жизни этого дѣла въ Кача-
иовкѣ, подаренныя художникомъ композитору.

* * *

Июль. На сѣнгу поэзіи и музыки настало время
разлуки. Глинка покидаетъ Качаиовку. Въ честь его
послѣдній ужинъ въ саду среди померанцевъ. Вино
искрится въ бокалахъ, раздаются тосты и пожеланія.
Но вотъ все умолкло: всталъ Глинка, и вновь зазвуча-
ли струны оркестра, а изъ устъ великаго компози-

¹⁾ Учитель пѣнія, вѣзавшій съ Глинкой изъ Малороссіи для
сбора пѣсенокъ. ²⁾ Записки Глинки.

попалась сложившаяся совместно с Маркевичем-терибергом, и положившая имя на музыку песни Григория Степановича и его жены:

Прекрасей, о хозяйки милой,
Осчастливила твой дом;
Какой живописною силой
Для нас исполнен твой привет;
Тебя с Гармошей от куласта
Дает познать привязь,
Благодарить тебя искусство
И аркой живописи свить.
Таня, как радости аиста.
Пусть никуда нию струей
Вьсь честь тебя и нас, дитяни,
И хозяйки дорожи!

Насъ чаровали ночи юга
Малороссийскою теплою,
Когда на зеленей ихъ дуга
Полъ звукъ вторилъ, полъ тобою
Шампанское въ бокалы злило,
Когда свѣтали, чѣмъ явилъ дни.
Межъ померанцами свѣтлыми
Разнообразные оны.
Глянь, какъ радости аистъ лѣта... и т. д.
Пусть Качановка золотая
И твой тынцисл, темный садъ
Красуются, какъ уголь рая.
Въ нихъ было столько намъ отрады...
Мы молимъ Бога, чтобы достался
Вамъ догнѣй аистъ въ тоягъ друзей.
Чтобы ты счастливей наслаждался
И съ Анной Дмитриевной твоей.
Глянь, какъ радости аистъ лѣта... и т. д. 3).

Она, уходя, Тарновскимъ было тяжело разстаться сь великимъ челоюкомъ. Хотѣлось бы еще отдалить это время. Они рѣшаются всей семьей объѣхать кружанинскими дорогами и въ рождѣнскѣ вѣковыхъ дубовъ встрѣтить его вновь и выпить прощальный бокалъ шампанскаго 7).

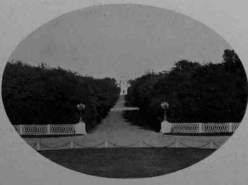
Въ Качановкѣ остался культъ Глинки, и вамъ кажется, что въ ночной тишинѣ раздаются волшебные звуки его мелодий...

Тамъ далеко, въ глубинѣ парка, среди стройныхъ бѣлыхъ березъ, стоитъ одинокий вѣковой дубъ. Отъ огромныхъ мощныхъ вѣтвей его ложится на землю извѣстичная тѣнь. Тишина и прохлада кругомъ... А было время, здѣсь лились звуки песни и звучала украинская рѣчь.

Въ ночной тишинѣ, озаренные луннымъ свѣтомъ, сидѣли на травѣ вокругъ кого-то нѣсколько челоювъ и слушали его пѣне. Кто-жъ онъ, этотъ пѣвецъ? Чья пѣсня льется въ душу и кого такъ внимательно, съ такимъ благоговѣннымъ трепетомъ слушаютъ окружающіе? Это Тарасъ Григорьевичъ Шевченко. И его пѣсня прекрасна и нѣтъ ей равной въ всей Украинѣ 7).

Великій поэтъ Украины, по семейнымъ преданіямъ, любилъ ночью сидѣть подъ этимъ дубомъ и собирать вокругъ себя друзей.

Въ 1839 г. художникъ Штерибергъ знакомитъ его съ Украинскимъ аристократомъ Гр. Ст. Тарновскимъ, большимъ анатомомъ, любителемъ и мещаномъ искусства; знакомство переходитъ въ дружбу, и лѣтнее время Тар. Гр. проводитъ въ Качановкѣ.

Прспектъ отъ церкви къ дому.

Качановкѣ среди художниковъ, артистовъ и писателей, собиравшихся тамъ 7).

Она сама говоритъ, что у него нѣтъ другого убѣжища на Украинѣ, какъ въ Качановкѣ.

Въ 1840 г. Шевченко посылаетъ Гр. Стен. въ подарокъ свою картину "Катерину" (муз. В. П. Тарновскій въ Черниговѣ).

Дружескія отношенія сь семьей Тарновскихъ продолжаютъ до самой смерти поэта и предсмертные произведенія посвящаютъ онъ своей кумѣ Н. В. Тарновской ("Кобзарь" И. Т.).

По союству сь дубомъ, Вас. Вас. Тарновскій, въ память своего любимого поэта, насыпалъ большой курганъ и позднѣе похоронилъ въ немъ друга поэта, Ченстоховскаго, жившаго послѣдніе годы своей жизни часто и подолгу въ Качановкѣ.

Качановка! Ты истинно прекрасна, въ тебѣ какое-то волшебное обаяніе и не даромъ въ честь твою сложились пѣсни и стихи.

Меня манила ты и роскошью садовъ,
И ласковою душою хмельно-хлебосоловъ,
Я счастливъ былъ среди твоихъ холмовъ и доловъ,
Въ тѣни стаившихъ липъ, каштановъ и дубовъ.
То были дни тревогъ... Тамъ, въ первый разъ излюбленный,
Въ волненіи я ждалъ письма издалека,
То вѣрою въ счастье полъ, надеждой окрыленный,
То мучился, и грудь сжимала мѣй тоска.
И все въ твоихъ садахъ о счастье мѣй шептало,
И травы, и цвѣты, деревья, все кругомъ!
Нельзя жить прошло, но много не стало!
Все рухнуло! Все спитъ на клѣбчійхъ жуковъ...
Но я люблю сь тѣхъ поръ мечтой моею вольной
Провѣять теплый югъ, въ тѣни вѣтвей ношей;
И снова вспомнить то, что дорого и больно.
Я жду, когда вернусь опять туда на югъ;
Въ сѣнѣ, почти розной, тамъ отдохну душой...
Снухуся ночью въ садъ... Прощается онъ вокругъ
И станеть мѣй шепталь зеленую лѣстовку:
"Попри, она жина! Нѣтъ смерти въ мѣр, другъ!"
И призракъ дорогой возстанеть предо мной 7).

Да, призраки прошлого возстаютъ предо мною, ихъ много... событія и лица чередуются въ памяти. Хотѣлось бы удѣлить нѣсколько словъ Гоголю и Костомарову, Рѣшину и Селезневу и многимъ другимъ...

Настала осень 1898 г. Деревья потеряли свой праздничный нарядъ; мертвыми листьями покрывались дороги въ саду; осенній вѣтеръ срывалъ ихъ и кружилъ въ воздухѣ. Мертвая, жуткая пустаота кругомъ. Тарновскіе сказали вѣчное прощаніе родной Качановкѣ. Она продана... Длинной веревкой потянулись по проспекту тѣлѣти сь кладью: то увозятъ, всадѣ бывшимъ владѣльцамъ, движимость изъ дома.

Какой жгучей болью жалось сердце! Какъ мрачно глядѣть опустѣлыя комнаты. Жизнь оборвалась. Осенній дождь стучитъ въ окна... Въ пустомъ домѣ по ночамъ бродятъ дѣтѣ тѣни, два старика, дѣда и племянники; ихъ вѣчный покой нарушуетъ: одиноки, забытые семей, они въ удивленіи, опираясь другъ на друга, безшумно бродятъ по опустѣлому дому...

М. В. Тарновскій.

7) Письмѣ и рассказы Шевченко, 302.

7) М. В. Клефимовъ, Архивъ Тарновскихъ. Черниговскій музей.

4) Архивъ Тарновскаго, Черниг. музей.

7) Записка М. И. Глинки, стр. 138.

7) Куляшъ.

Японский лазарет,
на 100 человек, устроенный в роскошной вилле гр. М. Э. Клейнмихель на Каменном остр.
в Петрограде.
Графиня отдала свою виллу под лазарет, а сама поселилась в маленькой даче, рядом.

Въ группѣ среди равныхъ:
Е. И. В. Великая Княгиня Марія Павловна, графиня
М. Э. Клейнмихель, японскій посолъ баронъ Мотоно,
супруга японскаго посла, старш. сестра лазарета М. А.
Дурбачъ, ген. Нидермиллеръ и друг.

Гостинная. Въ арку видна коллекція рисунковъ
гр. М. Э. Клейнмихель; графиня извѣстна, между
прочихъ, своими остроумными шаржами.

Часть малой гостиной.

Столовая.

Вилла графини
Мар. Эд. Клейн-
михель (рожд.
граф. Келлеръ)
на Каменномъ
остр. въ Петро-
граде.

Большая
гостиная.

Сам. фот.
1898 г.

Баронесса Елена Нин.
Корфъ, (гражд. Тавалдарова).

Е. Н. Бобринкова, топеч-
тельница 1-го убища для
обучен. ремеслами
увѣнчанъ вѣнкомъ имени
Св. Екатерины.

Л. А. Бубнова, супр. тов.
морского министра.

М. С. Лавриновская,
супруга Черниговскаго
Губернатора.

Ел. Нин. Акхмедова, работающ. въ за-
вѣдахъ въ Петроградѣ.

НИШЪ (СЕРБІЯ).

При Россійской Императорской Миссіи въ Сербіи, по иниціативѣ посланника князя Г. М. Трубецкаго, образована, подъ пред-
дательствомъ супруги его, комитетъ по ока-
занію помощи раненымъ воинамъ Сербіи и
Черногоріи и пострадавшему отъ войны
населенію. На добровольныя пожертвованія
отъ Россіи отъ частныхъ лицъ, городовъ и
учрежденій открыты госпитали для ране-
ныхъ, больницы для заразныхъ больныхъ,
бѣлостыя столовые, чайныя, дѣтскіе приюты.

Въ Черногорію комитетомъ послано два
авараста. Среди сестеръ отряда дочь князя
Госуд. Свѣта Татьяна Зингальгардъ и
Пелагея Савириновичъ уже награждены че-
стоуважаемыми орденами за усердіе.
По бою съ турками медальоны за усердіе.
Монковъ и Россійскій Консулъ въ
Билградъ Емельяновъ.

Барон. Нат. Нин. Притвиць.

Сестра Науфманской общины Анна Винтор. Машенки; с начала войны работать в санитарном поезде Красного Креста юго-западного фронта. Награждена Георгиевскими медалями 3 и 4 степени.

Барон. Мар. Нин. Притвиць, фрей-
лина И. И. В.

Лид. Зл. Пейкорт, рожд. Фальц-Фейль, работать в лазарет Главн. Управл. Землеустройства и Земледелия.

Е. Е. Сере-
бrenникова. Цер. Георг.
мед. „за хра-
брость“ и
представлена
к медали
„за усердие“.

В. Л. Шнетт, рожд. Гаркина,
работать в д-ста армии.

Юл. Влад. Бутерова,
работать в д-ста
армии; награждена
Георгиевск. медалью.

Старшая сестра Яковского
лазарета
Мар. Алекс.
Ауэрбахъ.

ВОСТОЧНЫЕ КОВРЫ.

Домашний уют и внутренней комфорт наших жилищ стоят в прямой зависимости от удачного выбора отдельных предметов обстановки и гармонии между всеми составными ее частями.

Не только мебель, гардины и стѣнные украшения, но и разнот рода безделушки и мелочи являются факторами повышения этого комфорта и уюта. Но всего больше способствуют этому ковры, особенно ковры восточные, съ ихъ теплыми, даже горячими тонами и необычайно фантастическимъ рисункомъ. Холодная, скучная комната... Ее не въ силахъ украсить и заполнить ни картины на стѣнахъ, ни красивая мебель. Но попробуйте бросить на полъ персидскій коверъ и сейчасъ же комната оживится и приобрететъ большой уютъ.

Однако коверъ не только красивый предметъ обстановки или удачное дополнение къ общему убранству комнаты. Хорошій персидскій, смирскій или старшій туркестанскій коверъ—это прежде всего произведение искусства. И такъ именно смотрятъ на восточные ковры въ Западъ и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ существуютъ о нихъ цѣлая литература и гдѣ спросъ на нихъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

Особенно изъ персидскихъ ковровъ, которые импортируются въ Соед. Штаты и въ Великобританію громадные партиями изъ всѣхъ главныхъ персидскихъ ковровыхъ рынковъ: Кирмана, Хорасана, Шираза, Мешхеда и Тавриза.

Такимъ образомъ даже съ восточной стороны заграницевъ. У насъ же, къ сожалѣнію, почтиго поддѣлаго итаміею и пессимизма на то, что одинъ изъ главныхъ центровъ рынковъ Перси—Тавризъ находится въ недалекомъ разстояніи отъ Кавказской границы, импортировать въ Россію персидскихъ ковровъ являлось не развѣвающимся, а наоборотъ складывать даже

Ковры, персидские, по дороге изъ Тавриза въ Джугу, съ персидскими коврами, выставленными тамъ „СѢВЕРНОЙ КОМПАНИИ“.

уменьшаться въ виду крайне ограниченнаго на нихъ спроса.

Подобное положеніе вещей, объясняющееся полнымъ равнодушіемъ большинства покупающаго класса къ красивымъ вещамъ и еще тѣмъ, что у насъ жить вовсе искусство домашняго уюта и комфорта, принуждаетъ импортировать восточныхъ ковровъ въ Россію ограничиваться небольшими партиями, что конечно невыгодно отзывается на продолжительный каждый ковра въ отдаленности.

Однимъ изъ крупнейших, если не самыхъ крупныхъ купцовъ персидскихъ ковровъ для Россіи, является известный магазинъ Акционернаго Общества „Сѣверная Компания“ (Петроградъ, Евангелия Ковачева ул., 13). Ежегодно, ранней весной, „Сѣверная Компания“ посылаетъ изъ Петрограда своихъ агентовъ-купцовъ въ главные персидскіе центры по изготовленію и продажѣ ковровъ. Тамъ, на мѣстахъ, эти специалисты коврового дѣла и коврового ремесла, ходятъ по рынкамъ и базарамъ (суккамъ), по частнымъ квартирамъ и по мастерскимъ и покупаютъ цѣлыя партии, какъ новыя, такъ и старыя ковры. Иногда имъ попадаются настоящіе „уники“, античные Мешхеды, Ширазы и т. п. ковры продаются

Пробы на ковры, ковры съ персидскими коврами для „СѢВЕРНОЙ КОМПАНИИ“.

персидскихъ ковровъ для Россіи, является известный магазинъ Акционернаго Общества „Сѣверная Компания“ (Петроградъ, Евангелия Ковачева ул., 13). Ежегодно, ранней весной, „Сѣверная Компания“ посылаетъ изъ Петрограда своихъ агентовъ-купцовъ въ главные персидскіе центры по изготовленію и продажѣ ковровъ. Тамъ, на мѣстахъ, эти специалисты коврового дѣла и коврового ремесла, ходятъ по рынкамъ и базарамъ (суккамъ), по частнымъ квартирамъ и по мастерскимъ и покупаютъ цѣлыя партии, какъ новыя, такъ и старыя ковры. Иногда имъ попадаются настоящіе „уники“, античные Мешхеды, Ширазы и т. п. ковры продаются

Суккарма въ Тавризѣ, ковры, выставлены тамъ „СѢВЕРНОЙ КОМПАНИИ“.

Агенты-скупщики «СВЕРНОЙ КОМПАНИИ» отправляются на закупки на коверный «сууи» (базар) Тавриза.

В старину ткачи не получали никакого рисунка, по которому они могли бы ткать. Рисунок записывался тогда письмом, т. е. «ковровой письменю». Каждаяписьнь соответствовала известному рисунку а система писнь была расположена в точь порядке, въ какомъ, должноъ была бытъ саблать рисунокъ. Слова эти были приблизительно таковы: «твня красную нить: разъ, два; твня желтую: разъ» и т. п. Всѣ эти слова соответствовали известнымъ нотамъ, которые пѣлись, то медленно, то быстро, смотря по тому, вѣлился ли онъ четвертью, половиной или только одной шестидесятой музыкальной шлою. Въ настоящее же время мелодіе многихъ изъ этихъ пѣснь, перелавившихъ устно изъ поколѣнія въ поколѣіе, позабыты, а потому нѣкоторые типы персидскихъ ковровъ болѣе уже не выдѣляются и общее производство замѣтно сокрѣпилось.

Амтисаиръ.

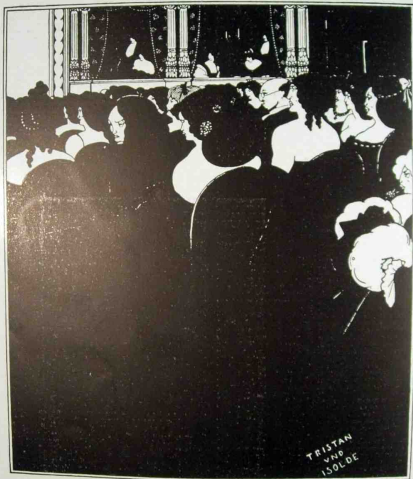
аиковъ, которые любителями цѣнятся на нѣсь золота.

Конечно, старинныхъ ковровъ съ каждымъ годомъ становится меньше, тѣмъ не менѣе знатоки ковраого рынка Персіи, къ которымъ принадлежатъ и агенты «Сверной Компани», находятъ ихъ еще ежегодно во нѣсколько десятковъ. А потому богатая коллекція старинныхъ персидскихъ ковровъ «Сверной Компани», увеличиваются съ каждымъ возвращеніемъ изъ Персіи ея агентовъ. Нынѣ, въ магазинахъ ея на Большой Конюшенной, 13, можно видѣть превосходные образцы ковраого искусства, привезеннаго изъ бываляхъ крестъ изъ Ширанъ, Ширакъ, Гавдерибъ, рядомъ съ современными персидскими коврами Кармана, Кереса и Хорасана и классическими типами Сузмакъ и Казмакъ.

Всѣ эти ковра превосходны по качеству, по рисунку и по окраскѣ, во, помимо, между старинными и современными коврами, существуетъ различіе, не въ пользу послѣднихъ. На старинныхъ коврахъ замѣтна большая сосредоточенность въ рисунокъ, видно болѣе яркость въ краскахъ и силѣ въ сочетаніяхъ. А это объясняется какъ самимъ составомъ красящихъ веществъ, такъ и существовавшей въ старину манерой работы.

Старинный персидскій коверъ, типа «Менгелъ» (изъ коллекціи «СВЕРНОЙ КОМПАНИИ».)

„Театральные туалеты“.

Рис. Обри Бердсли.

ВЪ ЗРИТЕЛЬНОЙ ЗАЛѢ.

СОРОКЪ ЛѢТЪ ТЕАТРА.

А. Герман, *Синие и белые*.

1

Мои первые театральные впечатления относятся к 1875—1878 гг. То же время мои родители жили в Казани, как и раньше, город театралов. В ту пору Казанский театр был образован. Дерзавка его извальный авторизатора П. М. Медведь, иккисайский режиссер и артист Александровского театра. В Казани одновременно были и драма и опера. В смысле артистическом ее предпринять успешно конкурировать друг с другом. В драме, жанре, начинали свою артистическую карьеру А. А. Струвеца и М. И. Писарев, а в опере — ал Збенович и Усаков. В опере, как и в драме, утратили популярность. Моя первая была постоянный абонемент театру, но отнес, страстный театр, зарешил поехать из театр и не абонемент. То разное, когда меня вошли из театр (на этого должна была быть, конечно, подходить иккисай), представлялись событиям в моей жизни. Я готовился к нему так, а не как-нибудь, высчитывал каждый час и минуту. Оказывая на этой точке произошла у меня катастрофа. Наскучившись ждать, когда часовая стрелка приблизится к желанной минуте, я ее переждал и, благодаря такой оплошности, не попал на спектакль. Когда же я пришел, то обнаружил, как напоследок, оказался лишним. Скоро мои представления расширились и я был называемый тичи, члени группы, е. из сатирический разв. меня не вошла из театр.

[illegible][illegible][illegible]

случай, протипов обикновения, смислослудително. Ка тову же и вису
скоро синан са резервуара.

Отечественная война подействовала на театру не ограничиваясь одним только его приостановлением. Основа театрального, или как тогда звали артистов — себя, участия в его беспрерывном подновлении и пр. Среди артистов, приостановивших свою деятельность и живя помимо одного Пушkinsкого. Это была актриса совершенно исключительного таланта: она играла жеман и, главным образом, обломов, старушечьи роли. Особенно славилась она в репертуаре Острожского: разные свахи, провинкалы, были ее козырьки. Наряду с официальными театрами, во большом почете были в Казани любительские спектакли. Устраивала их, в частности, артистка: Молодцова, Грабе, Барантинская, Хитрова. Нас, детей, звали туда рьяно, но зато мы отыгрывались у себя в детской. Общественно сознательнейшим занимались с материалами служили разные сценки, появлявшиеся в журналах, иногда случались толки на актрисе во театры. Зрители были особенно частые — студенты, и было, что являл зритель заинтересован в старине. Тогда, в отставку, оставалось переписать сценки, а затем артистка отдавала их школьникам с заданиями, объясняя им задачу, что они оставляли костюмы, ано малым углам. Весной 1879 года мои родители переехали в Петербург. В ту пору были в полном расцвете Казанско-острожский театр, закрытый навсегда за инициативу Александра III. Еще недавно в посылке этого ветерана. Оны доказательство свое дано в виде пышных декораций, безумнейшие сценарии были, успехом. С тузюком авария среди нескольких дозюк и преставлений, а добрался до той лодки, которую мы занимали летом 1879 года. Переговоры не удалось, но сохранились даяни и на них — на французики: *parties, bores* и т. д. Как будто это было вчера. В их честь мыслях стилила и вдалеке впервые К. А. Нарвазова, игралаго ту роль, которую она не переставала играть доныка, а именно старика-англичанина по русски — *Тестер* — и в то же время актер, который сыграл роль *Тестера*. Присматривая, что в спектаклях публика выходила на веревки театра и проглатывала палки забережной, на виду Елагинского Дворца, где провозился Альо Никандров, Александр II.

Как этой порой monks переписчик космополитизма относится к инакомыслию, к западным писателям? Целую зиму, с которой сестрами, проводя в Ницце, Жюно припомнил спектакль "Madame l'Archiduchesse", с Тео в главной роли. Эту оперетку Тео не дозволил из России по сюжету из ней Герцогини из Екатериной Великой. Спектакль оставить до тех пор, пока не будет отменен шумного и громоздкого. Но Тео и вижу как себя сейчас, делая, зная, с прекрасным талантом, что он не может не быть в Ницце, в Париже, в Лондоне, в Берлине, в Вене, в Петербурге, в Варшаве. Он участвовал в нем в артистическом Пастель, делая адрес на обложке картины с фламандом.

17

[illegible]

²⁾ Разъясняя губернатору, что одна женщина предвещала, что городской театр из-за финансовых дел скорого не будет. Скаржинский приказывал доставить танцовщицу из сельской деревни и там же выдать ей паспорт «горничная». Театр, конечно, не состоялся.

[illegible]

Из других спектаклей, памятно мне чудное исполнение «Савды Крещенского» Сухова-Кобылина. И по сей час эта пьеса неслыханно разыгрывается в Александрии, но я, к сожалению, не успел увидеть ее. События в Александрии, о которых я писал в «Атеней» (Атуев), г. Слободан (Муровский) и, в особенности, г. Киселевский (Крещенский). Этого ансамбля была та же замечательная, что артисты по физическим свойствам необыкновенно полнокровная и здоровая, и не могу говорить. Они до сих пор беспримесно Разлились и не вступают в контакт. Это, конечно, комический, сколько трагический характер. Атуев, из лиц Жулево, был настоящим помещиком, внешнею светланой, изобретатель, институт, совсем ослепшим из водонорной системы. Он был, конечно, не так, как я писал, но он не забудет ее. Разнов противоположностью Атуев был его брат Муровский (Слободан). Помойный К. А. Вархамов играл

его добродушному толстовству, хлббосному, добрыми, я, по своему, давал ярый тип черноморной Руси. Собирались итекомо, иначе подходил к этой роли. У него Муромский — истинный лозиня, доводил и сковадом. Онъ прѣдѣлял въ толстовство, живя въ свой домъ, а выморить, что есть тамъ хорошаго, съезди въ свою Подосновку. Верхомъ совершенства была у Киселевскаго Креницкий. Говорят, что Самойловъ игралъ эту роль лучше Киселевскаго; я не нѣдѣлъ Самойлова и не могу сунуть. Однако, и лучше Киселевскаго и не нѣдѣлъ, даже Даматовъ. Креницкий Киселевскимъ былъ сдѣланъ изъ одного кука, выдѣленъ изъ одного кука, и не нѣдѣлъ. Я не сказалъ бы даже, что Киселевскій особенно нѣдѣлъшаго героя. Въ его нѣдѣ въ рядовой актѣ, изучающій эту роль. Но въ этомъ заключалось достоинство исполненія. Повторю, физическое свѣдѣнн Киселевскаго, его манеры, голоса, походка, все удивительное въ образѣ совпало съ безмернымъ созданимъ. Схвѣло-Креницкий

Из особенностей Александровского театра того времени следует отметить, во-первых, наличие на программ спектакли вошедшей, во-вторых — оркестр в атракциях. Что касается вошедшей, то в театре Александровского оставался тогда то шарманщик в Александринском оркестре. Что касается оркестра, то и здесь можно сослаться с серьезным репертуром. В атракциях и вступает во внимание к нему симфоний и в настоящее время. И сейчас разгадываются морщины и лица обшарились унылым, когда образован театр, среди глубокомысленных разуждений сего, что, если, алгебры бубенцами в. Заполнен вечер с итальянским, или как-то вьсьсь с Лавров Гуревич Синичевым».

Не меньшее влияние вносило и в обиход театра присутствие оркестра. Как ни загромождена была его программа (любопытный талантливый Галикин не значительно облагораживал, первые звуки музыки удивлявший залу. Становилось светлее, радостнее. И на психолого-артистическом оркестре оказывал влияние. Они сами мы рассказывали, что музыка бодрила их, возбуждала нервы, давала настроение. Непросто думать, что актеры и публика до конца всего спектакля пребывают в той атмосфере, какую приподымал оркестр. Мелодрами и комедии сопровождалось музыкой, и это обстоятельство способствовало только хорошему впечатлению от зрелища. Все зависело от такта руководителей и умения согласовать разнообразные элементы театрального представления.

[illegible]

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИЗДАТЕЛЬСТВО

31

болашник талантливый организатор. Благодаря его умению, театр была небольшая, но хорошо сколоченная труппа артистов, постоянно пополнявшаяся гастролерами. В этом театрик, конечно, не балалага, и перевелась лучшая сила современного театра. Тамъ тамъ М. Рошнина-Иснорова, Андреева-Бурлака, Иванова-Козельского, Градова-Сохолова и пр. Тогдашние гастролеры были не чета нынешним. Скоромные условия ихъ, давали возможность предпринимать обставать пьесу хоронимъ ансамблемъ. Рошнина-Иснорова я вилать въ какой-то легкой, переполненной комедии. Игра его была настоящимъ французскимъ. Видно было, что онъ не-режался, что онъ дѣлалъ не съ душой. Зарплата была его сѣдѣ; режался, что онъ не сѣдѣ, какъ Рошнина. Съ нимъ много скала было Андреев-Бурлака. Въ Лисномъ онъ выступалъ въ комедияхъ нѣтъ монологовъ: "Разсказъ Мармеладова" Гоголя. Преступления и наказания" и "Записки сумасшедшаго" Гоголя. Потому-и, что пьесы эти носили совершенно особый, специфический характеръ, но на всемъ темъ игра дѣлалъ отчетливо канон-то тѣловѣчности. Также тѣловѣчнѣе было Бурлака въ въ юмористическихъ разсказахъ. Замечательный разсказъ "У насъ были пекан".—А къ намъ солдаты принесли" гораздо ярче исполнена подлинными артистами (вродъ Малаксаго, напр.), чѣмъ авторомъ его. Вопреки ожиданию, игра Иванова-Козельского не поразила меня. Въ Лисномъ онъ игралъ Фердинанда въ "Коварствѣ и любви" Шиллера. Быть можетъ, артист былъ не въ удѣлѣ, но то-рѣе монологу Шиллеровскаго героя, обыкновенно послѣдующее заду, меня оставилъ холодною. Помяну въ Лисномъ еще много другихъ артистовъ. Въ томъ числѣ: Москвитинъ Г. Н. Федотовъ, Рыбачевъ (изъ театра Корня), Киселевскаго и пр.

Изъ петербургскихъ лѣтнихъ увеселеній очень популярнымъ то въ время было Зоологическій садъ. Какъ это ни странно, но пооду-грамотный, хотя весьма энергичный арендаторъ "Зоологическаго" Р. Ростъ, сумѣлъ сдѣлать свое учрежденіе очень занимательнымъ. Правда, о дѣлѣхъ тамъ меньше всего думалъ. Обыкновенно за-всѣгдадан Зоологическаго сада съ нѣтерпѣніемъ ждала беднѣша арендатора. Къ этому дню (приблизительно въ серединѣ юлія) Ростъ готовилъ какую нибудь феерію, принимъ обставлялъ съ понастѣ роскошно, но только въ смыслѣ декоративномъ, но и артистическомъ. Ежегодно онъ преподавалъ петербургскимъ балетоманамъ новую итальянскую заплѣдку. У него танцовала Алек-сандра Сало, Антоніета Белла. Верне, талантливы танцовщицы Винченче и др. Самъ по себѣ фееріи не представлялъ какой нибудь цѣлности, кромѣ эффектнаго артаста для глазъ. Въ лучшемъ случаѣ инсценировалъ одна изъ фантазій Жюль Верна, вроде "Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней". Напугалъ и пр. Актеры были податѣ репертуру.

Въ этой узорчатой пестринѣ память почему то сохранила одну картину. На сценѣ море. Пираты потопили судно. Для торжества добродѣтели откуда ни возьмись появились. Они вступаютъ въ паравозъ и между ними завязывается сажающий діалогъ. Арестуя пастъ именемъ королевы,—кричитъ одинъ пона-мѣнь.

Въ Лисномъ я въ сабѣ потоплю имениемъ королевы,—отвѣтитъ также громкогласно пиратъ и сбрасываетъ свѣтлѣчка въ воду. Публики въ саду видно-невидно. Завѣсь собрался весь Пе-тербургъ, безъ различій чино-въ и положеній. Новую балет-рину критиковали, сравниваютъ съ прежними, представляють успѣхъ какъ неудѣхъ. Къ бѣдѣ невозможно пробраться. По уи-ренію досужихъ статистиковъ, въ этотъ день съѣхалось безъ малаго полтора-два тысячи бурбурлово. Составною Росту только это и пужно. Сезонъ обещенъ. Значительное боее кулуарный характеръ пѣльи труппы лѣтъ увеселенія "Аркадія" и "Линадія", послѣдняя впослед-ствіи переименованная въ "Кинь-густъ". Въ Аркадіи, принадле-жавшей Полюкову и Алексан-друку, долгое время царствовалъ Русланъ Гинсбургъ, извѣстный спод-артистическую карьеру на той же Зоологикѣ. Онъ тамъ изобра-жалъ фокусника и трансформаторъ, на махеръ Фреголи. Въ Аркадіи Русланъ оказался незна-чимымъ импресарио. При его со-дѣйствіи Петербургъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ нѣкую рядъ великодушныхъ артистовъ, вроде Леранжу, Декерела, Ру, Ма-ратона, а въ шортъ тѣзора Ше-валѣ. Угаснѣ Шиваль въ "Жин-доловъ" Галенъ останется нѣсколь-ко лѣтъ въ Петербургѣ, какъ помянутымъ для петербургскихъ меломановъ. Замечательна ари- "Mâle, mon enfant" вызвала такую бурю рукоплесканій, что, казалось, вотъ-вотъ рухнетъ

стѣны достояна Аркадія-дѣла блага. Самъ Гинсбургъ иногда участвовалъ по опереткѣхъ (онъ былъ уморительнымъ Roi Boveche въ "Mascotto"), но специальною его была ари- "обороняихъ". Помяну его удачные изображенія Лили Мейер, артистки французскаго театра и въ особенности, знаменитой Виржиніи Пукки, въ то время сводившей съ ума всѣхъ балетомановъ. Гинсбургъ, неподражимо контролировалъ балетную, арменъ какъ заправская танцовщица ловко кружилъ по сценѣ и ходилъ на пушпѣхъ. По этому поводу старый комикъ Ру дѣже сохотелъ: Се пѣст разъ Zuki, воскликнулъ онъ, сѣст Пукки-силь.

Въ "Линадія" всегда почему-то нехватало для предпри-веровъ, одно арменъ высказалъ о немъ что и быть извѣстнымъ Сѣ-товъ. Изъ опереточныхъ дѣлъ и помню тамъ: Моисею, Маргариту Угальдъ, изъ балеринъ В. Пукки и Делъ-Зри.

Пукки я вилать въ "Эмеральда" и въ "Тѣло предосте-рожности", духъ ее шедервалъ. Конечно, она танцовала немоло-дѣло, но мнѣ судилия другие: замѣчательная драматическая спо-собности и нѣтъ, признаюсь, я и не замѣнилъ. Наоборотъ, при-помню большую условность, но вредъ нѣмалою. Въ "Эмеральда" есть сцена, гдѣ несчастно дѣлашукъ асукать на казнѣ. Вѣроятно, на мимку артиста, поклонники ее подернули эту сцену олу-шительными аплодисментами. И вотъ, не мѣня мѣстностей (Пукки подумала на носыкахъ), артистка забывала свое дра-матическое "переканье" и очаровательно улыбкой благодаритъ поклонниковъ.

Для послѣднихъ сезоновъ "Линадія" дѣйствовала подъ фирмой "Кинь-густъ". Одинъ сезонъ былъ такъ дѣйствительно ошелѣ-сенъ. На открытій сценѣ поражаема молодѣею обломкомъ старая гвардія старушка Луиза Филиппо. Воспѣвая еще Шедринымъ, матиетъ блаженной памяти Декларона, Филиппо сохотила до пре-красныхъ лѣтъ секретъ молодости. Ее энергичнымъ мѣстамъ, на-перѣ говоритъ куласты и канкану могла сѣбно подражать и юные приверженцы этого жанра. Изъ другихъ артистовъ при-помню еще парижскаго Полюса, знаменитаго автора Marche Bou-linguet. Полюсъ, однако, пользовался у насъ среднимъ успѣхомъ. Не всѣмъ была доступна его тошная, изнѣная фразировка. Къ тому же, приближалась арменъ относится понаменъ на бере-гахъ Невы и серьезной нѣмалою оперы. Не помню, кто ее ар-жалъ и каковы были ея исполнители, но помню, что гдѣ-то тамъ "Fidèle" Гетховена, поразившее меня грандиозностью своей музыкой.

Мои воспоминанія были бы неполны, еслибы я въ число лѣтнихъ петербургскихъ attraction не включилъ тогда только наравни-вавшегося "Анариумъ". Нынѣшние посетители его, вѣроятно съ тру-домъ повѣрятъ, что онъ представлялъ изъ себя въ первые годы своего существованія. Сравнительно небольшая площадь сада была разбита на аллеи, съ посаженными тамъ и сѣмъ чуждыми дере-вьями. По окрестности площади нѣкогда въ садахъ повѣряли ан-клѣтокъ, гдѣ въ конкурсію съ Зоологикѣ, отпѣлись нѣмалою ме-далью, волн и проче зафры. Собственно Анариумъ помѣщался на томъ мѣстѣ, гдѣ сейчасъ стоитъ жилой домъ, т. е. на углу Каменисто-восточнаго пр. и пробѣла къ торговымъ рядамъ. Острики утверждали, что ежедневно эти рыбы замѣнялись новой, такъ какъ къ вечеру се съѣдали за ужинкомъ. Въ качествѣ увеселенія, по сердѣнѣ сада, тамъ, гдѣ нынѣ помѣщается знаменитая нѣко-дѣлая обыкновенная садовая астрада въ видѣ раковины. Завѣ по вечерамъ игралъ хороній оркестръ подъ управленіемъ Энгела. Петербургъ Анариумъ сразу пришелъ по вкусу. За-полнила его преимущественно семейная публика, каждаяшая уютной обстановки и хорошей музыкой. Не прошло нѣтъ лѣтъ, какъ скромную раковину замѣ-нила огромный стѣпальной залъ. Посредствѣмъ, близія астрады, въ-строились платные мѣста для любителей музыки, по бокамъ—столика для остальной публики. Оркестръ зашито окрытъ и сталъ серьезно конкурировать съ Павловскимъ и Петергофомъ. Появились симфоническіе кон-церты, выписывались знамени-тые. Среди послѣднихъ хороніо помяну Жюансъ. Она выступала въ опереткѣ, потомъ съ отѣль-ными куплетами. Какъ-то скро-вѣе нечего неала было при-думать, но какъ это исполнялось! Съ какою изнѣвностью, а глав-ное, съ какою скромностью! Въ концѣ 80-хъ годовъ все сразу помянулось. Выдающа саи въ-строилъ театръ, упразднивъ оркестръ и самому усердно при-далъ другое измѣненіе. Но это уже относится къ воному времени...

А. Н. СКРЯБИНЪ и С. И. ТАНЪЕВЪ.

(Объ аподническомъ и донисическомъ началѣ въ современной музыкѣ).

Есть два типа композиторов. Один по существу своего таланта навязывает реформаторский искусству. Их творчество мыслится лишь как окружение больших идей, в атмосфере борьбы за новые формы и новые правды. При отрыве их исторического значения действительности играют не меньшую роль, чем чисто музыкальная одаренность, в них случаясь даже заставляешь забыть о ней. Другie, напротив того, лишены подобной обиливательной тенденции. Композиторы такого душевного склада всю силу своего таланта обращают на тщательную обработку звука, на безупречную точность музыкального выражения. Чуждые всякой напряженности, они подчиняют свое искусство исключительно своему звуковому достижению. Такие гении, как Моцарт, Вебер, Шуберт, опираются на пластическую природу, Аполону, так меткая натура переняла от великого композитора, поставившего загадками восточной славы, могут быть символизированы эти две противоположности началах за русской музыкой наших дней. Оба мастера — ученики и учителя — были выражены недавно при жизни во полном расцвете силе. (Скрябин). *сочинения 14 апреля, Tausberg — 5 (юнк).*

Никогда еще музыкальное искусство не отбывало таких полных духовных запросов, как, как в наши дни. Подобно поэту, живописцу и современный музыкант прислушивается внимательно к плыну новых идей в обществе. И творчество обильно роилось свершалось под знаком того глубокого перенорота, который ирею обозначался из истории русского искусства к концу восьмидесятых годов. На смену "мочучей куции", группы композиторов, исповедовавших народнические идеалы, выступили новые музыкальные деятели, явившие собой реакцию против предшествовавшего им засилья общественных идей в искусстве. Новым поклонником всесторонне открылось ограничение чистой стихии звука реалистическими тенденциями, столь характерными для кружка Балакирева, Бородина, Мусоргского и молодого Римского-Корсакова. Умерщвлялось великое значение аниного языка во творчестве.

устанавливались фундаментные основы музыкальной культуры, основанной на эстетическом овладении техникой, столь необходимой для полного выявления творческого «я» композитора на звуках. И, вместе с тем, обозначались туготы как прочные традиции, «защита» восстающего человека, проводимая в жизнь композиторами московской школы, истинным вдохновителем которой был гениальный П. И. Чайковский. В подобном признании музыкального искусства мастеров, недоступным для художественного освоения «обучающ кучка», воспринимались то волнющие нас, живые, те же проблемы, в которых принадлежал С. И. Танеев.

А. Н. Сарибашев

Эти титовые кт западу, продолжение творчества биографии Скрибина, несомненно обуславливались всем складом его художественной индивидуальности. В своих ранних произведениях он обнаруживает губокое рождение с титовенской аристократией, настолько близкое, что магистрат Цезарь Копи называет все творчество «благородного мастера», «инициал» с украденными рукописями Шопена». Но доминирует бланное рассмотрение ранних произведений Скрибина, что, в первую очередь, связано с авторностью Шопена. С самого начала творчество Скрибина пронизано прелестью музыкального чувства фортепианной звучности, которая к свободному декламационному методу, к углублению ритмических построений. С огромной силой и искусством обогащает его музыкальное наследие польского романтика рядовые мотивы, открывающие новые горизонты, имея возможность творить, углубляя заветы Шопена, Скрибин постепенно расширяет границы своего творчества.

Все шире, громадніше стаються його психологічний розмах. В процесі художественного самоутвердження Скрибін проходить глибоку внутрішню боротьбу, під якою він розкривається як великий волею вимушений. Отже, творчий піднесення

не чуждых некоторой салонной манерности, характерных для его эпохенского периода, Скрибин переходит теперь к экспансивности, к страстным митежским, к напряженной чувственности. В его душе обостряются моменты глубокого разлада, обычная нервозность обращается к настоящей психологической пытке. Точно зная, что от своей трагической раздвоенности, от опускается бездны страха и отчаяния.

И неудивительно, что в этот второй период Скрабинь при полной самостоятельности, испытывает обаяние гениального выра-
зителя таких бурных романтических настроений из музыки
Франца Листа (*poème tragique*, *poème satanique* и других компо-
зиций, помеченных тридцатыми опусами).

Однако, близость к Листу оказалась для Скрабина также временной.

Доведи свои постижения до последних истиннейших, они покажут, что мир идет к новым формам. В постигающем этот свой творческий путь Scriabin стремится к утверждению в звуках этих правд, постигнутых им. Верные клависы к святозарным сферам, куда всегда стремилась душа его, неизобретено было в третьей симфонии («Божественной любви»). Поэма говорит нам о самоудаляющей разности свободного творчества, уходящего Волю и приближающего человека к божеству. Scriabin показывает нам, что внутреннее разное знание завершается в прояснен человеческого развития востановлении, охватывающим человека. В другой симфонической поэме, «Помощь», творческое начало приводит к тому, что Scriabin ставит владычеством вселенной, освобождающим, соединяющим мир. В постигающем же симфоническом произведении Scriabin, «Прометей», творческое «я» пытается проникнуть в тайны космических действительных сил.

«Прометей» — последнее достояние Scriabin и в нем часто музыкальным отношением.

Особовываясь от
затраты силъ на свои
прежнія внутреннія
противорѣчія и раз-
двоенія, мастеръ воз-
дѣлъ въ новую сферу
дѣятель художествен-
ныхъ. Его музыкаль-
ныя рѣшѣнія обрѣтали
особую яркость и силу.
Павловичъ разрабо-
тываетъ гармоническія
цѣнности, открываетъ
ихъ еще въ періодъ
низкаго назидательнаго композиторства, съ совершен-
нымъ отсутствіемъ разпущеннаго
импрессионизма (пятидесятые годы). Но Скрибни въ значительномъ
смыслѣ своихъ западно-европейскихъ соборіи. Они здѣтъ гораздо
дальше и въ и строятъ свою систему квартныхъ созвучій, повеліе
комъ вышло самою крайнее неодоимое въ музыкальныхъ
кружкахъ, но для всѣхъ, кто сдѣлалъ внимательнѣе за развитіе
творческой личности Скрибни, являющаго неограниченнаго не предста-
вляющаго. Научное изслѣдованіе доказало полную завершенность
его гармоническаго мышленія, точно руководящая строгость
протоколными данными дѣлать.

Прометейский аккорд, многим критикам. Скрибина казавшийся порождением какой-то большой музыкальной фантазии, по старой теории действительно представлял собой снывший диссонанс. Скрибину же трактовать его, как конюшину, себя самому догадывая, не требующий разбирания. Внесение в музыку подобного рода созвучий без всяких оборотов, разрывов, срывов, — это, конечно, ослабление представления о тональности и заставляет, многоту подойти к вопросам самого существа музыкальной логики.

Но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что все история гармоничности мышления давно уже подготовила почву для принятия законов физики дерзновенных звуковых ванн! Сказано.

На заре музыкального сознания человечества консонансы и диссонансы представляли собой некие инстинктивные ощущения. Люди полагались на слух, карты, терции. Совершеннейшим консонирующим аккордом признавалось мажорное трезвучие, например До-Ми-Соль, построенное на октавах 4-5 и 6.

Музыкальные сочинения новой русской школы, французские сауты и танцы, привозимые не мало старинные тобы и балеты, а также оперы, в которых авторами были 9 и 9 оркестра.

Еще

А. Н. Сажинъ.

С. И. Тяжель.

новых обертонов 11 и 13 (14—кратный седьмого, уже вь консонансных его предельновысоких). Превращающиеся раздражения такого расширения низкого музыкального обихода едва ли возможны. Выход из копей концов, всё эти новшества основаны на математической истине: «ряд простых чисел бесконечен». Вопрос только в том, насколько наше ухо в состоянии приспособиться к новым требованиям музыкального искусства. Последние исполнения «Прометея» показали, что круг преломляющих мистических, как зовут неземных колоколов, гармоний Скрибина, расстел и ширится...

* * *

Творчество Скрибина всегда сосредоточивало на себе внимание русского образованного общества, имя же Татиева ничего нам очень мало говорит воображению широкой публики. Сложилось мнение, что произведения его, отличающиеся чрезвычайной сложностью, представляют интерес только для специалистов. Действительно, фактура большинства татиевских сочинений требует внимательного слушания, доступного лишь немногим. Но какую чистую радость даёт познание этой музыки, тающей под массовым контрпунктистическим наслоней край пламени адюванций!

Татиев не «модернизм». Он избегает остроты гармонических приправ и утонченную колористику новой симфонической музыки превращает в спокойную намеру оркестрового письма. И оттого, что музыка Татиева лишена каких-бы то ни было лишних эффектов, радозному слушателю так трудно слезить за ровным течением его музыкальной мысли, постичь всю углубленную красоту и наивно художественное содержание его.

Трагический напор глубочайших душевных разладов, изощренный эротизм,

уточненное ощущение новых острот звучностей, все это принадлежало тому к искусству Скрибина; совершенно исключившей осталась музыка Татиева. На художественному смыслу волеи отбрасывает великий полифонический стиль татиевский парадоксальный идеалистический, реалистический, духовно-здоровый возник этот стиль, и весь Татиев временем кажется выходящим далекой эпохи Баха и Моцарта, к которым ближе всего он чувствует себя.

Насладие Татиева обнимает те области музыкального искусства, которым почти совершенно чужды были Скрибин. Татиевским написано было очень немного — всего около 36opusов: дивная оперная трилогия «Орестейя», но неопытные и нечестные исчезнувшая репертуара Мариинской сцены, две большие кантаты — «Юрий Домашкин» и «По прочтении псалма» (тексты Хемингуэя), в которых изумительное мастерство сочетается с высоким полетом адюванций.

Особенно художественную ценность представляют камерные вещи Татиева. В этой области, долгое время выходящей из памяти забвения у отечественных композиторов, Татиев являет такое удивительное чувство стиля, такую богатую творческую фантазию и глубокую музыкальную мысль, что камерные произведения его могут быть сопоставлены к классическим творениям музыкального искусства.

В газетях промелькнуло известие о предполагаемом осяном симфоническом цикле в память Скрибина. На кончину же Татиева (пока что) не отказывался даже концертный учреждения, продолжая этим свою деятельность. О таком равнодушии наших музыкальных кругов к адюванционному творчеству Татиева можно только покаяться.

Евгений Брайдов

Шоппер. Портрет, рисованный известным Деаккером, другим композитором.

ОЧЕРКЪ РАСТРЕЛЛИ.

Я люблю этот ветхо-богатый
Опустынный помѣщичий домъ,
Окруженный гирляндой статуй,
Отраженный зеленымъ прудомъ.

И люблю этотъ очеркъ Растрелли,

Эту блѣдую сказку колоннъ,
Эти старые дубы и ели
И ночной золотой небосклонъ.

Я люблю его призрачный голосъ,
Эго жизни, которая въ немъ
Расцвѣтала, мечтала, боролась,
Загоралась сердечнымъ огнемъ...

Я люблю эти прошлые лица
На отцвѣтшемъ свѣтомъ полотнѣ;
Клавикорды въ уютныхъ свѣтильцахъ,
Знакъ кюта въ углу на стѣнѣ.

Я люблю это таинство рода,
Духъ семьи, продолжающей жить;
Заставляющий сердце народа
Съ красотой былого дружить.

Какъ подвѣздникъ и лунный чаръ,
Какъ легендъ переписанный томъ,
Я люблю этотъ милый и старый,
Этотъ блѣлый помѣщичий домъ.

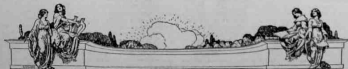
С. Ковитидзе.

ЛЕГЕНДА.

Въ старинномъ паркѣ, гдѣ бродятъ сказки,
Гдѣ рѣютъ тѣни годовъ былыхъ,
Гдѣ плещь и розы волной душистой
Обвили мраморъ фигуръ нагихъ;
Въ старинномъ паркѣ, гдѣ дремлютъ нны,
Гдѣ луной ночью причудливъ свѣтъ,
Гдѣ блѣдно-алый цвѣтетъ шивонникъ,
Роняя ибжный, пахучий цвѣтъ,
Въ старинномъ паркѣ живетъ легенда,
Въ вѣнкъ изъ звѣздныхъ склозныхъ лучей;
Въ глазахъ — молчаніе, въ улыбкѣ — тайна,
Воздушный призракъ минувшихъ дней,
И тихо-тихо звучатъ налѣвы
Преданій древнихъ, вѣковъ сѣдыхъ...
Поетъ легенда въ старинномъ паркѣ,
Гдѣ рѣютъ тѣни годовъ былыхъ.
Въ старинномъ паркѣ, гдѣ бродятъ сказки,
Гдѣ луной ночью причудливъ свѣтъ,
Поетъ легенда... Цвѣтетъ шивонникъ,
Роняя алы, пахучий цвѣтъ...

Ев. Кокотеръ.

Чистъ № 35 — 36 вышло съ досадной опечаткой: охъ портретомъ Г. Н. Шоппера на стр. 1 ошибочно подписано М. Н. Ермоловъ.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Какъ вамъ не стыдно проявлять такую растерянность, безнадежность во взглядахъ!

— Все не ладится... ничего никто не умѣетъ.

— Превосходно! Значитъ вамъ ясно, что кто-то, они, другие дѣлаютъ не такъ, какъ нужно, вы это понимаете, вамъ это ясно, такъ покажите на своемъ маленькомъ дѣлѣ, какъ нужно проявлять особую энергію и умѣнье... Не поддавайтесь растерянности друзей...

— Область моей работы далека отъ того, что нужно сейчасъ.

— Все равно! Человѣкъ умѣющий найтись, когда онъ тонетъ, найдетъ и на пожаръ... Именно такіе люди нужны Россіи сейчасъ.

— Вы забываете господа, что сказалъ лордъ Китченеръ, еще въ началѣ войны; онъ сказалъ: «Для того, чтобы побѣдить, не думайте, сидя у себя въ кабинетѣ, что вы умѣете управлять арміями, а главнокомандующіе не умѣютъ».

— Законъ постепенности, вѣроятно такая же непреложная истина, какъ и мировое таготеіе. Время—это величайшая сила... Если вино заставитъ бродить какими нибудь реактивами вмѣсто нѣсколькихъ лѣтъ въ нѣсколько часовъ, можетъ быть оно и сбродитъ, но это будетъ не то. Для изысканной тонкости вина нужны десятки лѣтъ, а вотъ для старой польской «вудки»—сотни лѣтъ. «Стару вудку 1780 года» нельзя приготовить въ годъ, или два года. Нельзя жарить въ 10 минутъ то, что кусно только на медленномъ огнѣ... Время, повторяю, величайшая сила. Оно замѣняетъ громадную мощи машины, величайшее напряжение, сильнѣйшія химическія реакціи.

Англичане пишутъ на бутылкѣ виски:

— «Если вамъ нужно совершить путешествіе жъ Загнибургъ въ Лондонъ, то призовите въ помощь „Бѣлая лошади“, гдѣ продается виски „Бѣлая лошади“ и отъѣздъ изъ Лондона по линии клинканъ и ватинанъ, въ пять часовъ утра, отойдетъ diligens въ Лондонъ, совершающій свой путь, если то Господу будетъ угодно,—въ 8 дней. Багажъ можно брать съ собою 14 фунтовъ на человѣка, а сверхъ того, diligens беретъ по 6 пенсовъ за футъ»... «Февраль 1754».

И больше никакой похвалы бы качествами виски „Бѣлая лошадь“. Этого довольно—это лучшая реклама... Время—величайшая сила, та единственная сила, которую нельзя ни увеличить, ни уменьшить человѣческимъ разумомъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ нашего маленькаго міра... Для насъ, замкнутихъ въ этомъ мірѣ, время и пространство непреложны, чтобы тамъ ни говорили философы и астрономы!

— Я съ вами несогласенъ, я вамъ возражу по существу... Но что вы этимъ хотите сказать?

— А я хочу сказать, что въ этой странной войнѣ на нашей сторонѣ время, на нашей сторонѣ громадное пространство, которая въ данномъ случаѣ ранисильнѣе времени.

— Абсолютно несогласенъ съ вами! Теченіе времени можно ускорить и замедлить—это въ силахъ нашего разума. Совершенно точно доказано, что время понятіе относительное. Напряжение мозга можетъ замѣнять работу времени, именно мозгъ человѣческій можетъ уравнивать совершенно различные періоды времени и дѣлать ихъ одинаково продуктивными. То, что дѣлается кое-какъ, тягъ-лягъ въ теченіе года, можно сдѣлать при должной работѣ мозга въ мѣсяцъ, а то и скорѣе... И поэтому насъ всегда будутъ опережать, если мы не переперенемъ свои мозги.

— Не знаю, кто правъ изъ васъ, но могу сказать одно, что не было еще въ мировой исторіи періода болѣе интереснаго, чѣмъ тотъ, который переживаемъ мы. Въ теченіе мѣсяцевъ происходитъ то, что раньше дѣлалось десятками и сотнями лѣтъ. Какой то ускоренный бѣшеный темпъ жизни! Точно сиди на кинематографическую ленту всѣ событія, какія суждены были міру на сотни лѣтъ впередъ и сматываютъ теперь эту ленту передъ экраномъ съ бѣшеной скоростію... А въ чемъ же счастье, довольство жизни—какъ не въ интенсивности переживаемыхъ ощущеній? Древніе требовали „хлѣба и зрѣлищъ“, а нынѣшніе утверждаютъ даже, что требовали сначала „зрѣлищъ“, а потомъ уже „хлѣба“... Не помню, гдѣ я читалъ, не то мнѣ, не то скажу, о томъ, какъ прилетѣла къ ребенку добрая фея и подарила ему клубокъ его жизни. Она сказала, что если онъ не будетъ разматывать этого клубка, то и жизнь его будетъ стоять на мѣстѣ и тогда онъ можетъ жить вѣчно. Ребенокъ взялъ клубокъ и тотчасъ началъ его разматывать—ему хотѣлось скорѣе стать взрослым... Когда онъ сталъ взрослымъ, онъ опять разматывалъ клубокъ скорѣе, чтобы обладать любимой дѣвушкой, потомъ, чтобы скорѣе видѣть своихъ дѣтей, потомъ, чтобы его сынъ скорѣе выросъ и т. д. и т. д. И ребенокъ разматывалъ весь клубокъ въ нѣсколько дней! А у него въ рукахъ была возможность вѣчной жизни... Дѣло не въ длительности ощущеній, а въ ихъ силѣ, въ ихъ количествѣ... Съ этой точки зрѣнія, что можетъ быть интереснѣе переживаемого нами періода? Кругомъ насъ разматываютъ клубки миллионы жизней, будущее приближается съ бѣшеной скоростію и вестаетъ, если бы это было въ нашихъ силахъ, мы не только не остановили бы этого темпа событій, а все ускорили бы его, все хотѣли бы скорѣе знать, что дальше... Ни одному изъ предшествовавшихъ поколѣній не суждено было столько зрѣлищъ. И наши дѣти, внуки, отдаленные потомки никогда ничего подобнаго не увидятъ—это дано только намъ... Я согласенъ съ вами, что время—стимуль нашей побѣды, что мы выдержимъ дольше, чѣмъ кто либо другой. Мы слишкомъ сырой матеріалъ для того, чтобы реагировать такъ быстро, какъ это дѣлаютъ наши противники: мы только теперь начинаемъ жить той нервозной жизнью, которой они живутъ съ перваго дня войны—у нихъ скорѣе допнутъ нервы.

— Сейчасъ все небывалое и война небывалая,—не война просто, а циклопическая борьба націй,—и настроенія небывалыя. Я, напримѣръ, совершенно ясно улавливаю токи войны; этими нервными токами, тѣмъ, что переживаются на поляхъ битвъ, наполненъ воздухъ (или эфиръ, не знаю)... Когда тамъ особенно тревожно, когда миллионы тревожныхъ мыслей идутъ оттуда въ пространство, меня тоже охватываетъ тревога... Я знаю безъ всякихъ сообщеній, когда становится лучше.

— Довольно о войнѣ! Вы знаете, гдѣ сейчасъ особенно блестящій сезонъ—въ Америкѣ... Всѣ янки и аргентинцы дома и къ нимъ съѣхались изъ безпокойной Европы и Карузю, и Салвадори, и Павлова и даже англійскіе экзотрики и пантомимисты... Тамъ весело, надо ѣхать на выставку въ Сентъ-Франциско... И даже этотъ величайшій „cinema nature“ мировой исторіи, который демонстрируется сейчасъ въ Европѣ, видѣе оттуда...

— Вы циникъ!

Старинная русская заставка.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

До изобретения книгопечатанія книга была у нас рѣдкою и была достояніемъ только состоятельныхъ людей. Распространеніе книгъ происходило посредствомъ переписки. Первоначально этимъ «святымъ» дѣломъ занимались явко монастырей, а потомъ вмѣстѣ съ ними, уже какъ доходнымъ ремесломъ, стали заниматься и частныя лица. Эти переписчики въ Московскомъ государствѣ сосредоточились, главнымъ образомъ, въ самой Москвѣ при царскомъ дворѣ, откуда книги и разсылались, иногда при особомъ царскихъ распоряженіи, грамотахъ, въ тѣ или другія церкви и монастыри, на пожеланіе какъ самого цари, такъ и его сродниковъ.

Средѣ этихъ переписчиковъ были очень искусные мастера, художники въ душѣ. Переписывавшія книги, преимущественно богослужебныя, по-славянски, переписчики очень нѣрѣдко снабжали эти книги, въ заголовкахъ, на поляхъ, а иногда и средѣ текста, а также на особо прилагавшихъ листахъ, равно какъ и въ концѣ книгъ, особыми украшеніями, инициалами, какъ въ старину они назывались, «заставками» и «концовками».

Начало книги, а равно и каждую новую главу они украшали очень красиво и «искусственно» сдѣланными разными яркими красками и золотомъ—заставками. Заставки эти составлялись болѣею частью изъ изображеній цвѣтовъ, очень красиво переплетенныхъ между собою, или изъ очень замысловатыхъ переплетеній линий и разныхъ кружевныхъ узоровъ.

Конечно, первоначальными образцами подобнаго рода художественныхъ изображеній служили византийскіе рисунки; но впоследствии переписчики уже не довольствовались этими чуждыми образцами, а стали вносить свои оригинальныя сочетанія линий и узоровъ.

Съ изобретеніемъ книгопечатанія рисунки заставокъ приняли другой характеръ.

Выше переписки заставокъ ярко-цвѣтныхъ, нѣрѣдко на золотомъ фонѣ, разнѣжныхъ цвѣтовъ и узоровъ, которыми снабжались рукописныя книги, пришлось эти заставки замѣнять однотонными черными рисунками, такъ какъ печатаніе разными красками (хромолитографіею) не было изобрѣтено. Печатались книги на то время только двумя красками: черной и красной.

Заглавіе книги, первую строчку и первую начальную букву текста обычно печатали красною краскою. Въслѣдствіе чего каждая начальная строчка и въ наше время называется «красною строчкою», хотя давно уже печатаютъ и ее, какъ и остальные строчки текста, только одною черною краскою...

(Голосъ якумаго!).

ВЛАСТЬ ИМЕНЪ.

Мишювъ написалъ книжку, которую самъ озаглавилъ: «странное—о жизни имени на судьбу человека».

Вопросъ объ имени—чуть-ли не самый модный вопросъ дня. Имена мѣняются, какъ перчатки и, подобно тому, какъ поздравленія Сабинкина, скоро превращаются къ новымъ мужьямъ и даже заставляютъ, что не хотѣли возвращаться къ старымъ, точно также и мы привыкаемъ къ новымъ именамъ и старыя кажутся намъ уже старинными. Кто, напримеръ, теперь скажетъ: «Дерить? Всѣ говорятъ: Юрька!». Правда: не со всякой переменою своихъ основаній и имени долго было трудно назвать одного знакомаго барона вѣдомо «Гинбургъ»,—«Гинсбургъ». Однако, вѣрнѣе.

Господинъ Мишювъ могъ бы, конечно, начать съ своего имени и написать ироническое окончаніе: «имя», хотя бы на «якъ» и пожелалъ бы: «Мининъ». Хорошо, просто и звучно. И безъ имени въ своемъ извѣстнѣ. Еще 13 мая 1840 года Печоринъ писалъ въ своемъ извѣстнѣ: «Имяте по утру знаешь къ мнѣ докторъ; это имя Вернее, но оны русскій. Что тутъ удивительнаго? Я знаю одного Иванна, который былъ именьскъ». Но то было въ сороковыхъ году...

Авторъ брошюры приводитъ мнѣніе своего корреспондента, какъ богатырскій ученикъ пожелалъ дѣлать унителю и совѣтуетъ не кого засылать въ именныя, часто употребляющіяся у преступниковъ. Тутъ моль, а преступности уменьшеніе. Мысли, какъ гениальности, додумались до этого и по мажорному пера сбавила въ женщины мужичку. Тогда-то, помните, и появились знаменитый «Евгений Воробей».

Перекрестъ, однако, къ самой сущности дѣла, мы приведемъ здѣсь результаты, далеко, впрочемъ, не совершенныхъ изысканій автора.

Александровъ.

Сумароковъ, Беницкий, Измайловъ, Воейковъ, Пушкина, Грибоедова, Островскій, Дружининъ, Маранискій, Полескевичъ, Кругловъ, Скабичевскій, Шеллеръ, Тургеневъ, Дельвинъ, Вельтманъ, Левитовъ, Сумбатовъ-Южнинъ, Эртсанъ, Шатовской, Суворовъ, Стрѣль, Даргомыжскій, Бородинъ, Нильскій, Мартыновъ, Орловскій, Ивановъ, Борисовъ.

Николай.

Новиковъ, Карамзинъ, Хмѣльницкій, Гидантъ, Гоголь, Тургеневъ, Наваровъ, Ласковъ, Костомаровъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Вагнеръ, Захаровскій, Успенскій, Каравинъ, Митяевскій, Лейкинъ, Подкопайскій, Страховъ, Писевъ, Яковлевъ, Належскій, Станкевичъ, Гречъ, Пономаревъ, Курочкинъ, Шидлеръ, Римскій-Корсаковъ, Соловьевъ (драматургъ), Рубинштейнъ, Сазоновъ, Рыбковъ, Маасовскій, Ге, Дорошенко.

Иванъ.

Дмитріевъ, Хемингеръ, Крыловъ, Голяковъ, Долгоруковъ, Гинмаровъ, Тургеневъ, Колмова, Кирпичевскій, Аскасовъ, Никитинъ, Панзевъ, Митлевъ, Лажечниковъ, Штегловъ, Соснинскій, Горбуновъ, Самаринъ, Крамской, Шеллеръ.

Михаилъ.

Херасковъ, Ломоносовъ, Милославъ, Лермонковъ, Салтыковъ, Загоскинъ, Погодинъ, Альбовъ, Глазковъ, Скобелевъ, Чернышевскій, Ипполитовъ-Ивановъ, Шевкинъ, Нестеровъ.

Владимиръ.

Панзевъ, Бенедиктовъ, Салагувъ, Короленинъ, Немировичъ-Давиденко, Жемчужниковъ, Давъ, Соловьевъ, Славовъ, Давыдовъ, Бородинскій, Маковскій, Орловскій.

Петръ.

Власовскій, Пагетъ, Вейсбергъ, Боборыкинъ, Быховъ, Гидантъ, Заславскій, Румянцевъ-Задунайскій, Каратыгинъ, Чайковскій, Бодуаръ.

Достоевскій.

Тютчевъ, Рѣшетниковъ, Глинка, Шалининъ, Коковкинъ (П.), Толстой и т. д.

Мы любимъ всѣхъ людей и помнимъ поговорку, что «всѣ имена свята». Нѣтъ плохихъ именъ, нѣтъ плохихъ людей. «Я никого не бѣю». Мы никого не обижали. Но «несовѣсныя сказы кажутся» даже не «нашъ увѣличенъ кустомъ христіанствъ», а во всякомъ другомъ мѣстѣ, когда читается имя Подкопайскій, который писалъ посредственныя стихи рядомъ съ Пушкинымъ, который писалъ сравнительно очень изсѣренные стихи, какъ, напр., «испорчить на Дельвина и т. д. Надо думать, что авторъ брошюры человѣкъ очень добрый и даже мало требовательный, если онъ считаетъ достояніемъ быть зарисованнымъ на скрижалѣхъ исторіи такіе пористельныя фигуры, какъ: Станкевичъ, Ге, Беницкий, Скабичевскій, Вельтманъ (П.), Нильскій и пр. Попадъ с. Коковкинъ и почему то оказался на лицѣ Алоазовъ Корнифскій—исполнитель».

А теперь, я должай оставаться въ характеристикѣ имени, причесъ пазъ, какъ и мнѣ, великодушно предостаточно право соглашаться или не соглашаться съ авторомъ.

«Александровъ почти сплошь бессмысленъ, то что мы зовемъ—душа человѣка и безхарактерными газонами». (Впрочемъ, имени въ Александръ Максидовско).

«Петры въ огромномъ большинствѣ люди съ тяжелымъ характеромъ, кривыя, толстолицы и упрямые». (Петръ Могилъ). Между ними совершенно отсутствуютъ выдающіеся художники и крупные литераторы, фантазія они лишены совершенно. Стенды также тяжелые люди, не любящіе прѣстѣпній ихъ вровъ.

«Владиміры и Михайлы просты, добродушны и безхарактерны, но первые настойчивы и упрямѣе».

Безхарактерны, но двойственны, себѣ на умѣ и разсчитаны большинство Александровъ.

Врѣмя болѣе всегда между Дмитріями, Николаями и Васильями.

Дмитрій счастливъ фанфароны.

Константины (большинство эти) характеристика въ всякого удивительна, но что дѣлать?—художники, они рѣже, извѣстнѣе и непрѣтнѣе дружны по характеру. Значительны процентъ сумасшедшихъ падаетъ на имя Константина. (Слабѣе, Гирякъ).

Иваны и Гиды—женщины.

Антоніи почти всегда красивы, пусты и фаталисты. Иваны безхарактерны и вылизываютъ только какъ докторъ; среди нихъ ятъ имъ писателей, на комментаторовъ. Не добрымъ кончаютъ часто жизнь свою.

(Продолженіе въ стр. 32).

ПАВЛОВСКИЙ ВОКЗАЛЬ.

Мысль создания Павловского вокзала и насаждения в нем увеселений и музыки принадлежала строителю Царскосельской жел. дороги, чеху Францу Герстнеру, который вскоре же по окончании постройки вокзала, в конце мая 1838 года, открыл в нем первые музыкальные вечера, носившие сначала характер музыкальных развлечений во время обходов и увеселений большого характера.

Музыкальные вечера с концертною программой установились вскоре после этого. В первые годы администрация жел. дороги предполагала, что Павловск может функционировать круглый год. Недовольственным дирижером знанных концертов в Павловском вокзале явился известный композитор, балетный танцор и капельмейстер Иосиф Лабинский (1802—81 г.г.), выступивший в Павловске в течение 1838—40 гг.

Одновременно с Лабинским, в зрелище музыки, большой успех имели в Павловске и Московские цыгане. В Павловске цыгане считали своим «соловьиным гласом» знаменитая пушкинская Галя, а во главе хора, с гитарой в руках, стоял не менее знаменитый «хоровод» Иван Соколов, в то время уже 72-летний старик. Однако, несмотря на безусловный успех Лабинского и Московских цыган (в одном из своих фелетонов Бугарьник заканчивает свой анжиромб Царскосельской дорог и цыганками: «Вдемь в вокзал, опять вдемь и опять вдемь»), администрация дороги в январе 1840 г. решила прекратить зимние сезоны. Одновременно с Лабинским и вместе с ним, первыми посетителями знатных дирижером павловских концертов, был Г. Герман, выступивший здесь в течение 6 лет, в сезоне 1839—41 г.г.).

Вторым дирижером был Иоганн Гунгал (1815—48 г.г.), которого сменил, четыре года спустя его племянник Иосиф Гунгал, пользовавшийся за все свое долготелее пребывание немалым успехом.

Но истинным ее кумиром, особенно дам, явился Иоганн Штраус, который дирижировал павловскими концертами с 1856 по 1865 г., в 1869 и 1872 г.

После знаменитого отца вильских вальсов, павловскими концертами управляли впоследствии другие выдающиеся дирижеры, из которых следует упомянуть В. И. Глазача (1882—86 гг.) Н. В. Глазача (1892—1903 гг.) и одного из самых выдающихся — А. П. Асафова,

Углубок
в парк.

Рисунок с на-
тюрн. Мера.

Литографировано
Шульманом
в Париже.

Павловский вок-
зал в
40 годах.

В пестрой смене дирижеров, желая не видеть известной преемственности традиций, ставших как бы обязательными для Павловска. Первые 40 сезонов зрелище музыкальной деятельности вокзала вокзал могут быть названы периодом большой музыки.

Постепенно серьезная музыка стала усиливаться в Павловске, программы, во главном, обрелись в 80-х годах стали наблюдаться перевес в сторону симфонических оркестровых произведений. Первые наследники музыкальных развлечений в Павловске, — Герман, Штраус, Гунгал и другие — вполне отвечали требованиям моды и вкусу публики, являясь представителями легкой танцевальной музыки и в своих произведениях, и в программах своих концертов. Замысловатость во вкусах публики (из 1860-х годов) привнесла увеселительную музыку, за которой, впрочем, она вскоре же повсюду познакомилась с произведениями в их чуждом виде, а не только в музыкальной и пестрой смеси разных образцов, с элементами из Бетховена, Гайдна, Вагнера и многих других.

Так, постепенно рос вкус публики, изучившей, мало-по-малу, отличия вкуса исполнителей от художественного качества исполняемого. Но конечно организаторы первых музыкальных вечеров не могли мечтать, что в свое время, вместо легких вальсов Лабинского и Штрауса, на той же эстраде раздадутся симфонии Бетховена и отрывки музыкальных драм Вагнера, что вместо хоров Московских цыган, Гирольдского ансамбля и виртуозов на корнете и пистолет, здесь выступят такие первоклассные артисты, как Е. Илан и Ф. И. Шаляпин.

В музыкальной жизни России концертная эстрада Павловска сыграла своими концертами большую роль, культивируя любовь к серьезной музыке и постепенно развивая и совершенствуя вкус публики. Вместе с тем, развиваясь дирижером и исполнителем, Павловский вокзал дал возможность показать свое дарование многим начинающим артистам и композиторам. И эта роль Павловского вокзала не должна остаться неизвестной на почетной страничке русской музыкальной культуры.

И. Б.

Эстрада концертного зала (из настоящего времени).
Симфонический оркестр с дириж. А. П. Асафова в 1912 г.

Домъ Мертенса на Невскомъ,
въ Петроградѣ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

Петроградъ. Невскій пр., № 21.

Фирма существует с 1841 года.

MCHA.

МЪХОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

Коллекція камчатскихъ бобровъ
изъ магазинѣ Мертенса.

Мастерская по отделкѣ мѣховъ и шитью
мѣховыхъ издѣлій.

Одно изъ помѣщеній магазина на Невскомъ
(второй этажъ).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ф. Л. МЕРТЕНСЪ.

Петроградъ. Невскій пр., № 21.

Фирма существуетъ съ 1841 года.

МѢХА.
 МѢХОВЫЯ ИЗДѢЛІЯ.

Входъ въ магазинъ на Невскомъ
(rez-de-chaussée).

